
Заклинание пустоты

(о театре Ольги Александровой)

Наверное, лучшая рецензия об этом театре уже написана московским театроведом Натальи Казьминой*. Однако со дня ее написания прошло много времени, а спектакли Ольги Александровой продолжают свое существование на сцене. Нельзя дважды войти в одну реку, невозможно повторить одно и то же действие — время изменяет и артиста, и людей, пришедших в зрительный зал. «Нельзя раз и навсегда понять, каждый раз понимание начинается заново»**, — писал известный реформатор европейского театра Питер Брук. Спустя десятилетие ижевский зритель вновь открыл для себя «Три свадебных напева» — спектакль, которому рукоплескала Европа.

Театр Ольги Александровой почти отчужден от сцены. Перед зрителем — открытое, предельно высвеченное пространство. Здесь, во всемирной пустоте, начинается действие, призванное преобразить невидимый мир. И человек, оказавшийся на юру, просит Бога о жизни: «Инмар, великий Инмар, великий — светоликий, Кылдысин, Инву, Воршуд! Так же, как я тебя с целым караваем, с наполненными яствами чашами испрашиваю-вопрошаю, так же и ты спаси-сохрани, врагу-ворогу не выдай!». И глазам больно от слепящего ровного

* Казьмина Н. Три свадебных напева (моноспектакль Ольги Александровой) // Театральная жизнь. 2001. № 6. С. 34–38.

** Брук П. Пустое пространство. М.: Прогресс, 1976. С. 40.

света, и не спрятаться от зрителя, приученного современной культурой к ярким визуальным эффектам. Заклинание пустоты — именно так бы я обозначила жанр спектакля, увиденного мной.

Первое, что сделает артистка, — очертит магический круг, внутри которого и будет разворачиваться действие. Прохождение по кругу, напоминающее культовый танец, сопровождается ритмичными ударами бубна. В архаических культурах ритмические звуки, с одной стороны, соответствовали ориентировке в мировом пространстве, а с другой — способствовали погружению в чувственное мышление, уходу от реальности. В «Трех свадебных напевах» мир возникает из звука бубна, затем — из неясных, чуждых для профанного уха слов. Но чем далее, тем яснее становится смысл нездешних фраз, и зритель обретает чудесную способность понимать чужой язык. Именно в этот момент становится очевидной призрачность границ, разделяющих времена и пространства. Вне зависимости от наречия и местонахождения человек испокон веков проходит один и тот же круг.

Линия круга становится основной графической линией спектакля: круглый бубен, символизирующий Вселенную; округлые деревянные человечки, разыгрывающие мистерию жизни и смерти; круглые монетки и круглые зерна, олицетворяющие великую Жертву; маленькие круглые колокольчики, символизирующие душу. Наконец, маска смерти — круглая, как и сама жизнь. На протяжении спектакля актриса не раз обернется вокруг себя, ее пластика — пластика волнообразных движений. Замыкается круг между жизнью и смертью, замыкается круг между зрителем и актрисой. И не вырваться из этого круга до самого финала спектакля, до самого конца жизни...

В театре Ольги Александровой нет места бутафории. Подлинность разыгрываемого действия нашла свое отражение в подлинности материи. Мир словно возвращен к своим первоэлементам — дереву, коже, шерсти, льну, зерну. Рожденное

на сцене Слово — слово вещее. А потому зритель ни на секунду не сомневается в том, что оно способно уберечь мир от разрушения, а человека — от смерти. «Не смей, болезнь, к нему прикасаться, пока не превратишь в один семьдесят семь мельничных жерновов! <...> Пока ты не сможешь летающую в воздухе пыль обратить в бесконечную золотую цепь, он не поддастся тебе, болезнь! Всего этого ты не сделала и никогда не сделаешь, а потому и не смей прикасаться к этому человеку!». В звучащих со сцены причитаниях и заговорах слово обретает ту изначальную силу, которая была утрачена на поздних стадиях человеческой культуры.

Ольга Александрова — человек, профессионально увлекающийся фольклором, хорошо знающий семантику обрядовых форм. При просмотре ее спектаклей испытываешь не только эмоциональное, но и интеллектуальное удовольствие. Можно бесконечно разглядывать одеяние, в котором актриса выходит на сцену. Сотканное из многочисленных символов, оно становится равноправным участником действия. Человек на сцене — связующее звено между верхним и нижним мирами. На голове у актрисы — ветвь с колокольчиками, легкий звон которых постоянно напоминает о присутствии Бога-Инмара. Нижний мир перевернут, и крошечные коконы-человечки висят вниз головой на гетрах актрисы. В среднем мире — на поверхности бубна-земли — разворачивается мистериальное действие под названием «Три свадебных напева».

Финал спектакля пронзительнее его начала. Несмотря на то, что на протяжении всего спектакля постоянно ощущается незримое присутствие смерти, ее вторжение оказывается внезапным:

Э, тело мое, тело,
Черной-черной землей, да, будешь, наверное.
Э, ожерелье мое, ожерелье,
Рыбьей чешуей, да, будешь, наверное.
Э, браслетные мои бусы, браслетные бусы.
Рыбьей икрой, да, будете, наверное.

Лик Бога в спектакле невидим — зримо лишь лицо смерти. Темная маска указывает не только на деревянного героя, каждый в зале также отмечен ее страшным взглядом. Символично, что актриса примеряет эту маску на себя и смотрит на зрительный зал сквозь ее прорезы. Но смерть на этот раз обращена к тому, кто находится на бубне. Высокий голос актрисы возносится ввысь; улетает вверх колокольчик, бывший душой героя. «Теперь я знаю, что такое смерть, — это когда колокольчик из груди вырывают», — сказала моя дочка после просмотра этого спектакля.

В финале слово вновь возвращается к своей исходной стихии — звуку. Причитания стихают в ритмичной дробь бубна, три свадебных напева растворяются в пространстве пустой сцены. Актриса проходит свой последний круг и покидает сцену. Театр-мистерия ждет встречи с новым зрителем...

Все великие художники искали подлинную опору для своего творчества в первосхемах человеческой культуры. Этим путем, каждый по своему, шли В. Мейерхольд, Г. Крэг, П. Брук, Г. Козинцев... Ольга Александрова обратилась к удмуртскому фольклору, став первооткрывателем неведомого для зрителя мира. За национальными формами обряда — общие для всех культур архетипы, пробуждающие первичную память. Не случайно «Три свадебных напева» обошли многие страны мира, а удмуртский язык стал языком интернациональным, понятным и близким для всех.

Казалось бы, подобное представление должно снискать успех прежде всего у себя на родине — в Удмуртии. Однако театр Ольги Александровой оказался не совсем нужным в пространстве, его породившем. Так сложилось, что у артистки в Ижевске нет даже временной сценической площадки. Ее последние гастроли проходили на неприспособленных подмостках, которые нужно было превратить в сцену (единственным театром, предоставившим место, был театр «Птица»). На сегодняшний день остались практически невостребованными и все новые проекты, с которыми Ольга Александрова приеха-

ла в Ижевск. «Нет пророка в своем отечестве» — только так можно обозначить сложившуюся ситуацию. И остается молить о театре, который мог бы стать визитной карточкой нашей национальной культуры: «Большого и испросить не знаю, сам уж рассуди-ниспошли, великий Инмар, Кылдысин, Инву, Воршуд!».

